ФЕДЕРАЛЬНОЕ АГЕНТСТВО ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНОГО ТРАНСПОРТА
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Иркутский государственный университет путей сообщения»
Сибирский колледж транспорта и строительства

МЕТОДИЧЕСКИЕ УКАЗАНИЯ ПО ВНЕАУДИТОРНОЙ САМОСТОЯТЕЛЬНОЙ РАБОТЕ

(очной формы обучения)

ОГСЭ.01 ОСНОВЫ ФИЛОСОФИИ

для специальности

23.02.01 Организация перевозок и управление на транспорте (по видам)

базовая подготовка

среднего профессионального образования

Иркутск, 2022

Электронный документ выгружен из ЕИС ФГБОУ ВО ИрГУПС и соответствует оригиналу
Подписант ФГБОУ ВО ИрГУПС Трофимов Ю.А.
00a73c5b7b623a969ccad43a81ab346d50 с 08.12.2022 14:32 по 02.03.2024 14:32 GMT+03:00
Подпись соответствует файлу документа

РАССМОТРЕНО:
Цикловой методической
комиссией Общественных дисциплин,
права и психологии
«03» октября 2022 г.
Председатель _____ М.К. Буханевич

Разработчик: Удольская О.В., преподаватель высшей квалификационной категории, Сибирский колледж транспорта и строительства ФГБОУ ВО «Иркутский государственный университет путей сообщения».

ПОЯСНИТЕЛЬНАЯ ЗАПИСКА

Деятельность преподавателя непрерывно изменяется под воздействием большого числа факторов, как внутренних, так и внешних. Основные факторы, изменившие сегодня процесс образовательно-воспитательной работы в целом, определили и новые тенденции обучения и воспитания студенческой молодежи в колледже. Это такие процессы, как информационная насыщенность современного общества, непрерывный процесс изменений во всех сферах общества, инновации.

Исходя из стремления, подготовить своих выпускников к деятельности в подобных условиях, для самостоятельной работы учащимся предлагаются такие методы исследования, которые помогут сформировать навыки творческой и исследовательской работы студентов.

Одним из рациональных путей повышения эффективности образовательно-воспитательного процесса можно назвать процесс творческой инновационной и самостоятельной деятельности студентов. Предоставляя личностную и профессиональную свободу, преподаватель добивается прочных знаний, формирует духовную основу и подлинные жизненные ценности. Самостоятельная и творческая деятельность студентов развивает стремление к поиску альтернативных способов решения ситуаций и жизненных проблем.

В процессе преподавания общих гуманитарных и социально-экономических дисциплин широко применяются различные виды самостоятельной и творческой деятельности студентов. Направления и темы данных видов работы студентов определяются с учетом содержания рабочей программы в соответствии с ФГОС по специальности.

Самостоятельная работа студентов в процессе изучения дисциплины ОГСЭ.01 Основы философии» проводится с целью:

- систематизации и закрепления полученных теоретических знаний студентов о философии как специфической области знания;
- углубления и расширения знаний о философских, научных и религиозных картинах мира, о смысле жизни человека, формах человеческого сознания и особенностях его проявления в современном обществе, о соотношении духовных и материальных ценностей, их роли в жизнедеятельности человека, общества, цивилизации;
- формирования умений осознано ориентироваться в истории человеческой мысли, в основных проблемах, касающихся условий формирования личности, свободы и ответственности, к социальным и этическим проблемам развития современной культуры, науки, техники, понимания необходимости сохранения окружающей культурной и природной среды; самостоятельно анализировать и оценивать те или иные мировоззренческие и этические позиции окружающих людей, общества в целом, государств и политических режимов; задумываться над вопросами: Откуда я пришёл в этот мир и что я должен в нём делать, чтобы оправдать своё назначения человека? Что такое любовь, смерть, творчество, вера?
- формирования умений использовать справочную и специальную литературу философской направленности, с целью получения дополнительных знаний о человеческом обществе;
- развития познавательных способностей и активности студентов: творческой инициативы, самостоятельности, ответственности и организованности;
- формирования самостоятельности мышления, способностей к саморазвитию, самосовершенствованию и самореализации;
- развития исследовательских умений.

Для внеаудиторной самостоятельной работы по дисциплине ОГСЭ.01. Основы философии» предусмотрены задания:

- *для овладения знаниями*: чтение текста (учебника, первоисточника, дополнительной литературы); графическое изображение структуры текста; конспектирование текста; выписки из текста; работа со словарями и справочниками; учебно-исследовательская работа; использование аудио – и видеозаписей, компьютерной техники и Интернета и др.;

- *для закрепления и систематизации знаний*: работа с конспектом лекции (обработка текста); повторная работа над учебным материалом (учебника, первоисточника, дополнительной литературы, аудио- и видеозаписей); составление плана и тезисов ответа; составление таблиц для систематизации учебного материала; ответы на контрольные вопросы; подготовка сообщений к выступлению на семинаре, конференции; подготовка рефератов, докладов, тестирование и др.;

- *для формирования умений*: перевод текстового сообщения в формы схем, таблиц; создание презентаций; составление тематических кроссвордов.

Самостоятельная, внеаудиторная работа может осуществляться индивидуально или группами студентов по темам раздела учебной программы.

Контроль результатов внеаудиторной самостоятельной работы студентов осуществляется в пределах времени, отведенного на обязательные учебные занятия и внеаудиторную самостоятельную работу студентов по дисциплине ОГСЭ.01 Основы философии, и может проходить в письменной, устной или смешанной форме, с представлением продукта творческой деятельности студента (презентация).

В качестве форм и методов контроля внеаудиторной самостоятельной работы студентов предполагается использовать семинарские занятия, коллоквиумы, зачеты, самоотчеты, контрольные работы, защита творческих работ.

Критериями оценки результатов внеаудиторной самостоятельной работы студента являются:

- уровень освоения студентом учебного материала по теме или разделу рабочей программы дисциплины ОГСЭ.01 Основы философии;

- умение студента использовать теоретические знания по дисциплине ОГСЭ.01 Основы философии при разработке докладов, презентаций, эссе, сравнительных таблиц и т.д.;

- умение самостоятельно анализировать и оценивать те или иные мировоззренческие и этические позиции окружающих людей, общества в целом, государств и политических режимов; задумываться над вопросами;

- обоснованность и четкость изложения ответа;

- оформление материала в соответствии с методическими указаниями.

Требования к уровню выполненных работ:

1) обстоятельность (от 1 до 3 страниц; ответы типа “да”, “нет” не принимаются);

2) аргументированность (логическая обоснованность, связность, использование примеров);

3) точность (ответ именно на этот вопрос и ни на какой другой);

4) обоснованность и четкость изложения ответа.

При подготовке к выполнению творческого задания сначала ознакомьтесь с содержанием рекомендуемого материала, а затем приступайте к его тщательной проработке и обдумыванию.

Стремитесь выразить главную мысль четко. Затем конкретизируйте её. Рассмотрите вопрос с разных точек зрения. Чем больше вы обнаружите проявлений главной идеи, тем лучше. Значит, эта идея приобретает в ваших представлениях должный вес.

Оформляйте свои размышления по каждой работе на отдельных листах.

ЗАДАНИЯ, ВЫНОСИМЫЕ ДЛЯ ВНЕАУДИТОРНОЙ САМОСТОЯТЕЛЬНОЙ РАБОТЫ СТУДЕНТА ПО ДИСЦИПЛИНЕ

Работа 1. Тема 1.1. Понятие «философия» и его значение.

1. Выделите в тетрадях основные характерные черты материализма и идеализма как главных направлений в философии.

2. Напишите в словарь определения основных философских понятий «логика», «философия», «дискурсивность».

Работа 2. Тема 2.5. Философия эпохи Возрождения.

1. Выделите и запишите в тетрадях особенности философии эпохи Возрождения.

2. Раскрыть философские воззрения одного из представителей эпохи Возрождения.

3. Прочитайте фрагменты текста Сенеки «Нравственные письма к Луцилию» (Приложение 2) и ответьте на вопросы:

1. Как Вы понимаете это высказывание: «Тот может оградить себя против фортуны, кто способен перенести все, что она пошлет»? (Письмо 98).

2. «Вот что значит, Луцилий, учиться философии у жизни». Что имел в виду Сенека? (Письмо 98).

3. Что значит: «Нет порока без оправдания, начало всякого из них скромно и простительно, — зато после он разливается широко»? (Письмо 116).

4. Как Вы понимаете слова: «Мы защищаем наши пороки, так как любим их, и предпочитаем извинять их, а не изгонять»? (Письмо 116).

Работа 3. Тема 2.7. Немецкая классическая философия. Современная западная философия.

1. Прочитайте фрагменты текстов (по выбору): Э. Фромм «Душа человека» или В.С. Соловьев «Русская идея» (Приложение 3, 4), и ответьте на вопросы:

Э. Фромм «Душа человека» (Приложение 3):

1. Как Вы понимаете термин «душа»?

2. Что значит «преодолеть чувство обособленности своего бытия и приобрести чувство согласия, единения и сопричастности к миру»?

3. Как Вы понимаете слова Э. Фромма: «Человек свободен, поскольку иначе его нельзя сделать ответственным за свои поступки»?

4. Что значит: «Свободу в этом смысле следует дефинировать не как «действия в сознании необходимости», но как действия на основе осознания альтернатив и их последствий»?

5. Как Вы понимаете слова Э. Фромма: «Если человек равнодушен к жизни, то больше нет надежды, что он выберет добро»?

В.С. Соловьев «Русская идея»» (Приложение 4).

1. Как Вы понимаете слова: «Христианская истина утверждает неизменное существование наций и прав национальности, осуждая в то же время национализм, представляющий для народа то же, что эгоизм для индивида: дурной принцип, стремящийся изолировать отдельное существо превращением различия в разделение, а разделения в антагонизм»?

2. Как Вы понимаете слова: «Национальные различия должны пребыть до конца веков; народы должны оставаться на деле обособленными членами вселенского организма»?

3. Как Вы понимаете слова: «Истинная будущность человечества, над которой нам надлежит потрудиться, есть вселенское братство, исходящее из вселенского отчества чрез непрестанное моральное и социальное сыновство»?

Работа 4. Тема 2.8. Русская философия.

1. Раскройте философские взгляды одного из представителей русской философии.

Работа 5. Тема 3.1. Онтология – философское учение о бытии.

Диалектика – учение о развитии. Законы диалектики.

1. Выполните творческое задание: «Современная философская картина мира», выскажите свою точку зрения по этому вопросу.

Работа 6. Тема 3.5. Философия культуры.

1. Напишите реферат об одном из видов культур. Защитите его в форме выступления.

Работа 7. Тема 3.7. Философия и религия.

1. Составьте сравнительную таблицу: «Понимание Бога в различных религиях и философских системах».

Работа 8. Тема 3.9. Философия и глобальные проблемы современности.

1. Подготовьте эссе по теме: «Философия и смысл жизни» (Приложение 5).

1. Для более чёткого осмысления и правильного понимания данной проблемы ознакомьтесь с философской литературой.

2. Обдумайте и сформулируйте свое видение данной проблемы, опираясь не только на полученные теоретические знания, но и на свой жизненный опыт.

Литература:

Основные источники:

1. Сычев А.А. Основы философии: учебное пособие / А.А. Сычев. – 3-е изд., испр. – Москва: КНОРУС, 2019. – 366 с. – (Среднее профессиональное образование).

Дополнительная литература:

1. Губин В.Д. Основы философии / В.Д. Губин. – 3-е изд. – М.: ФОРУМ, 2011. – 2888 с. – (Профессиональное образование).

Интернет-ресурсы

www.alleg.ru/edu/philos1.htm

ru.wikipedia.org/wiki/Философия

www.diplom-inet.ru/resursfilos

Приложение 1

О мудрой жизни

Речь Сократа на суде после вынесения смертного приговора

«Немного не захотели вы подождать, омужи афиняне, а вот от этого пойдет о вас дурная слава между людьми, желаюшими хулить наш город, и они будут обвинять вас в том, что вы убили Сократа, известного мудреца. Конечно, кто пожелает вас хулить, тот будет утверждать, что я мудрец, пусть это и не так. Вот если бы вы немного подождали, тогда бы это случилось для вас само собою; подумайте о моих годах, как много уже прожито жизни и как близко смерть. Это я говорю не всем вам, а тем, которые осудили меня на смерть. А еще вот что хочу я сказать этим самым людям: быть может, вы думаете, омужи, что я осужден потому, что у меня не хватило таких слов, которыми я мог бы склонить вас на свою сторону, если бы считал нужным делать и говорить все, чтобы уйти от наказания. Вовсе не так. Не хватить-то у меня, правда что, не хватило, только не слов, а дерзости и бесстыдства и желания говорить вам то, что вам всего приятнее было бы слышать, вопия и рыдая, делая и говоря, повторяю я вам, еще многое меня недостойное — все то, что вы привыкли слышать от других. Но и тогда, когда угрожала опасность, не находил я нужным делать из-за этого что-нибудь рабское, и теперь не раскаиваюсь в том, что защищался таким образом, и гораздо скорее предпочитаю умереть после такой защиты, нежели оставаться живым, защищавшись иначе. Потому что ни на суде, ни на войне, ни мне, ни кому-либо другому не следует избегать смерти всякими способами без разбора. Потому что и в сражениях часто бывает очевидно, что от смерти-то можно иной раз уйти, или бросив оружие, или начавши умолять преследующих; много есть и других способов избегать смерти в случае какой-нибудь опасности для того, кто отважится делать и говорить все. От смерти уйти не трудно, омужи, а вот что гораздо труднее — уйти от нравственной порчи, потому что она идет скорее, чем смерть. И вот я, человек тихий и старый, настигнут тем, что идет тише, а мои обвинители, люди сильные и проворные, — тем, что идет проворнее, — нравственною порчей. И вот я, осужденный вами, ухожу на смерть, а они, осужденные истиною, уходят на зло и неправду; и я остаюсь при своем наказании, и они — при своем. Так оно, пожалуй, и должно было случиться, и мне думается, что это правильно.

А теперь, о мои обвинители, я желаю предсказать, что будет с вами после этого. Ведь для меня уже настало то время, когда люди особенно бывают способны пророчествовать, — когда им предстоит умереть. И вот я утверждаю, омужи, меня убившие, что тотчас за моей смертью придет на вас мщение, которое будет много тяжелее той смерти, на которую вы меня осудили. Ведь теперь, делая это, вы думали избавиться от необходимости давать отчет в своей жизни, а случится с вами, говорю я, совсем обратное, больше будет у вас обличителей — тех, которых я до сих пор сдерживал и которых вы не замечали, и они будут тем невыносимее, чем они моложе, и вы будете еще больше негодовать. В самом деле, если вы думаете, что, убивая людей, вы удержите их от порицания вас за то, что живете неправильно, то вы заблуждаетесь. Ведь такой способ самозащиты и не вполне возможен, и не хорош, а вот вам способ и самый хороший, и самый легкий: не закрывать рта другим, а самим стараться быть как можно лучше. Ну вот, предсказавши это вам, которые меня осудили, я ухожу от вас».

(Платон. Апология Сократа II Сочинения. В 4 т., Т. 1. - М., 1990. - с. 93-94).

Приложение 2

Постоянное занятие философией дает необходимое душевное здоровье

«В одном не вправе мы жаловаться на жизнь: она никого не держит. Не так плохо обстоят дела человеческие, если всякий несчастный несчастен только через свой порок. Тебе нравится жизнь? Живи! Не нравится — можешь вернуться туда, откуда пришел. <. .>

Никто из нас не думает, что когда-нибудь да придется покинуть это жилище. Так старых жильцов привычка к месту делает снисходительными и удерживает в доме, как бы плохо в нем ни было. Хочешь быть свободным наперекор этой плоти? Живи так, словно завтра переедешь1 Всегда имей в виду, что рано или поздно лишишься этого жилья, — и тогда ты мужественней перенесешь неизбежность выезда. <.. .>

«Когда я закончу то-то, тогда налягу всеми силами; когда улажу эту неприятность, тогда и предамся ученым занятиям». — Нет, философии нельзя отдавать один лишь досуг — надо всем пренебречь ради усердия к ней, для которой никакого времени не хватит, хотя бы наша жизнь и продлилась до крайнего срока, отпущенного людям. Бросишь ли ты философию на время или насовсем — разницы нет: она не останется там, где ты прервал занятия, — нет, как распрямляется сжатое силой, так возвращается к самому началу все, что не движется непрерывно вперед Нужно сопротивляться делам и не распределять их, а устранять. Не бывает времени, неподходящего для спасительных занятий, — хотя многие оставляют их из-за тех дел, ради которых и нужны занятия. — «Но случается, что-нибудь и мешает». — Мешает, да не тому, чья душа при любых хлопотах радостна и окрылена. Веселье не достигших совершенства прерывается, радость мудреца постоянна, ее не прервет никакая причина, никакая судьба. Мудрый всегда и везде спокоен. Ведь он от чужого не зависит и не ждет милости ни от фортуны, ни от людей. Счастье у него как дома: будь это счастье в его душе пришлым, оно бы и ушло оттуда, но ведь оно в ней и родилось. <.. .>

Между достигшим мудрости и идущим к ней та же, повторяю, разница, что между здоровым и оправляющимся от долгой и тяжелой болезни, у которого нет еще здоровья, а есть облегчение недуга Не будет он внимателен — наступит ухудшение, и все начнется сначала А мудрец не может ни заболеть снова, ни занемочь тяжелее Телу здоровье дается на время, врач если и вернет его, то не навсегда, и часто врача зовут к тому же, к кому приглашали прежде. А душа излечивается раз навсегда. Я скажу тебе, как распознать здорового: он доволен собою, доверяет себе, знает, что для блаженной жизни ничего не дают ни все молитвы смертных, ни те благодеяния, которые оказывают, которых добиваются. Ведь все, к чему можно прибавить, несовершенно, от чего можно отнять, не вечно; а кому нужна вечная радость, тот пусть радуется только своему. Все, на что зарится толпа, притекает и утекает; фортуна ничего не дает во владение, но и преходящие ее дары приятны лишь тогда, когда разум их приправит и смешает: ведь это он умеет придавать вкус даже тем внешним благам, которые невкусно поглощать с жадностью».

(Сенека. Нравственные письма к Луцилию. Сенека. Честерфильд. Моруа. Если хочешь быть свободным. – М.: Политиздат, 1992. - с. 47, 49-50).

Письмо 98.

Сенека приветствует Луцилия!

(1) Никогда не считай счастливцем того, кто зависит от счастья! Если он радуется пришедшему извне, то выбирает хрупкую опору: пришлая радость уйдет. Только рожденное из самого себя надежно и прочно, оно растет и остается с нами до конца; а прочее, чем восхищается толпа, — это благо на день. — Так что же, невозможно ни

пользоваться им, ни наслаждаться? — Можно, кто спорит? — но так, чтобы оно зависело от нас, а не мы от него. (2) Все причастное фортуне и плодоносно, и приятно, если владеющий им владеет и собою, не попав под власть своего достоянья. Поэтому, Луцилий, ошибаются полагающие, будто фортуна может послать нам хоть что-нибудь хорошее или дурное: от нее — только поводы ко благу или ко злу, начала тех вещей, которым мы сами даем хороший или дурной исход. Ведь душа сильнее фортуны: это она ведет все туда или сюда, она делает свою жизнь блаженной или несчастной. (3) Душа дурная все оборачивает к худшему, даже то, что приходит под видом наилучшего. Душа прямая и чуждая порчи исправляет зловредность фортуны и знанием смягчает с трудом переносимые тяготы; все приятное она встречает скромно и с благодарностью, все неприятное — мужественно и со стойкостью. Пусть человек будет разумным, пусть все делает по зрелом размышленье, пусть не берется ни за что непосильное, — не получит он этого полного, избавленного от всех угроз блага, если не будет заведомо спокоен перед неведомым. (4) Взгляни пристально хоть на других (ведь о чужом мы судим свободнее), хоть на себя, отбросив пристрастие, — и ты почувствуешь и признаешь: ни одна из этих желанных и высоко ценимых вещей не будет на пользу, если ты не вооружишься против непостоянства случая и всего того, что от случая зависит, если среди утрат не будешь повторять часто и не сетуя: «Боги иначе судили»1. (5) Или даже — чтобы мне сделать этот стих еще мужественнее и справедливее, чтобы ты мог лучше поддержать им душу, — тверди каждый раз, когда что-нибудь произойдет вопреки твоим ожиданьям: «Боги лучше судили». Кто так настроен, с тем ничего не случится. А настроится так только тот, кто задумается об изменчивости человеческих дел прежде, чем почувствует ее силу, кто, имея и детей, и жену, и богатство, знает, что все это не будет непременно и всегда при нем, и не станет несчастным, если перестанет ими владеть. (6) Всегда в смятении душа, что тревожится за будущее, и до всех несчастий несчастен тот, кто заботится, чтобы все, чем он наслаждается, до конца осталось при нем. Ни на час он не будет спокоен и в ожидании будущего потеряет нынешнее, чем мог бы наслаждаться, Ведь что жалеть о потерянной вещи2, что бояться ее потерять — одно и то же.

Это не значит, что я проповедую тебе беспечность. (7) Что страшно, то старайся отклонить; что рассудок может предвидеть, то старайся предвидеть; что грозит тебе ударом, старайся заметить и предотвратить, прежде чем оно случится. В этом тебе немало поможет спокойная уверенность и дух, закаленный и ко всему выносливый. Тот может оградить себя против фортуны, кто способен перенести все, что она пошлет; во всяком случае спокойный дух ей не привести в смятение. Есть ли что более жалкое и глупое, чем бояться заранее? Что за безумье — предвосхищать собственные несчастья? (8) Я хочу подытожить вкратце то, что думаю, и описать тебе людей, что сами себе не дают покоя, сами себе в тягость: они так же нестойки в беде, как и до нее. Кто страдает раньше, чем нужно, тот страдает больше, чем нужно. Одна и та же слабость не дает ему ни правильно оценить боль, ни ждать ее. Одно и то же незнанье меры велит ему воображать свое счастье вечным, а свое достоянье не только не убывающим, но и все возрастающим, и сулить себе неизменность всех случайных преимуществ, забыв о том маховом колесе, которое переворачивает все человеческое. (9) Потому-то кажутся мне замечательными слова Метродора в том письме, где он обращается к сестре, потерявшей сына — юношу высокого дарования: «Всякое благо смертных смертно!» Он говорит о тех благах, которые всех манят, потому что подлинные блага — мудрость и добродетель — не умирают, они неизменны и постоянны. В уделе смертного только они бессмертны. (10) Впрочем, люди так бесстыдны, до того забывают, куда они идут, куда влечет их каждый день, что, обреченные однажды потерять все, удивляются всякой потере. То, на чем ты пишешься хозяином, при тебе, но не твое: кто сам непрочен, у того нет ничего прочного, кто сам хрупок, у того нет ничего вечного и

непобедимого. Гибнуть и терять одинаково неизбежно, и, поняв это, мы найдем утешенье и спокойно будем терять теряемое неизбежно.

(11) Но в чем же нам найти помощь против этих потерь? В том, чтобы хранить утраченное в памяти, не допускать, чтобы вместе с ним канул и тот плод, который оно нам принесло. Чем мы владеем, то можно отнять; чем мы владели, того не отнимешь. Верх неблагодарности — не чувствовать себя обязанным за то, что однажды получил, хотя потом и утратил. Случай отнимает вещь, но оставляет плоды обладанья ею, которые мы теряем сами, вопреки справедливости сожалея об отнятом.

(12) Скажи себе: «Из того, что кажется страшным, все можно одолеть. Многие побеждали что-нибудь одно: Муций — огонь, Регул — крест, Сократ-яд, Рутилий — ссылку, Катон — смерть от меча; и мы что-нибудь да победим! (13) Опять-таки многие презрели то, что видимостью счастья манит толпу. Фабриций3, будучи полководцем, отверг богатства, будучи цензором, осудил их. Туберон счел бедность достойной и себя, и Капитолия, когда, расставив на всенародном пиру глиняную посуду, показал, как человек должен довольствоваться тем, что и богам годится. Отец Секстий отказался от почетных должностей: рожденный, чтобы править государством, он не принял от божественного Юлия тоги с широкой каймой, ибо понимал: все, что дано, может быть отнято. Так поступим и мы хоть в чем-нибудь мужественно! Попадем и мы в число примеров! (14) Отчего мы слабеем? Отчего теряем надежду? Что могло случиться прежде, то может и сейчас. Только очистим душу и будем следовать природе, потому что отступивший от нее обречен желаньям, страху и рабству у вещей случайных. Можно еще вернуться на правильный путь, можно все восстановить. Сделаем это, чтобы переносить боль, когда она охватит тело, и сказать фортуне: ты имеешь дело с мужчиной; хочешь победить — поищи другого!4»

(15) Такими или подобными речами утишается боль язвы, — хоть я и желаю ему, чтобы она облегчилась, или была излечена, или хотя бы осталась такою же и старела с ним. Впрочем, за него я спокоен; это нам грозит урон, у нас будет отнят замечательный старик. Сам он уже сыт жизнью, а если и желает ее продленья, то не ради себя, а ради тех, кому он полезен. Так что, оставаясь жить, он являет свою щедрость. (16) Другой бы положил конец этим мукам, а он считает одинаково постыдным бежать и от смерти, и от жизни. — «Так что же, если обстоятельства его убедят, неужели он не уйдет?» — А почему ему не уйти, если никто уже не сможет прибегнуть к нему? если ему не о чем будет заботиться, кроме своей боли? (17) Вот что значит, Луцилий, учиться философии у жизни, упражняться в ней, видя перед собою истинный пример: разумного человека, его мужество перед лицом подступающей смерти, среди гнетущих болей. Кто делает, как должно, у того и учись, как должно делать. До сих пор мы приводили доводы: может ли кто-нибудь противиться боли, сломит ли приближающаяся смерть даже великие души.(18) Но к чему слова? Взглянем воочию! Ему не смерть дает мужество сопротивляться боли и не боль — сопротивляться смерти. Он противится и той, и другой, полагаясь только на себя. Он страдает терпеливо не в надежде смерти и с охотой умирает не потому, что ему невтерпеж страданья. Страданья он терпит, смерти ждет. Будь здоров.

Письмо 116.

Сенека приветствует Луцилия!

(1) Часто спрашивают, довольно ли, чтобы страсти были умеренными, или лучше не иметь никаких страстей. Наши изгоняют страсти, перипатетики стараются их укротить. Я не вижу, почему умеренная тяжесть болезни может быть целебной или полезной. Не бойся! Я не отнимаю у тебя ничего такого, что ты отдал бы против воли; я буду сговорчив и снисходителен ко всему, что ты считаешь или необходимым для жизни,

или приятным, или полезным и к чему стремишься, а избавлю тебя от порока. Ведь я, запретив тебе жаждать, разрешу хотеть, чтобы ты то же самое делал без страха по твердому решению, чтобы даже наслажденья твои были острей. Разве ты не будешь чувствовать их полнее, ставши их повелителем, а не рабом?
(2) Ты скажешь: «Но ведь естественно мучиться, тоскуя о друге: дай же право плакать, когда столь праведна причина. Естественно быть задетым людскими мнениями, огорчаться, если они неблагоприятны; почему же ты не допускаешь этого благородного страха перед дурным мнением?» — Нет порока без оправдания, начало всякого из них скромно и простительно, — зато после он разливается широко. Позволь ему возникнуть — и ты не покончишь с ним никакими стараньями. (3) Всякая страсть вначале немощна, а потом сама себя разжигает и набирается силы, разрастаясь; легче не пустить ее, чем выгнать. Кто спорит с тем, что всякая страсть берется из некого естественного истока? Заботиться о себе велела нам природа; начни потакать этой заботе — и она превратится в порок. Наслажденье природа подмешала к вещам необходимым, не затем, чтобы мы его домогались, но чтобы благодаря этой прибавке стало приятнее для нас то, без чего мы не можем жить; а появится самозаконное наслаждение — и начинается сластолюбие. Так будем же при входе сопротивляться страстям, коль скоро, как я сказал, их легче не впустить, чем заставить уйти. — «Но позволь хоть в какой-то мере горевать, хоть в какой-то мере бояться!» — (4) Эта мера растягивается очень широко! Ты уже и как захочешь, не остановишься. Пусть мудрец не столь бдительно стережет себя — для него это безопасно: он, когда ему угодно, положит конец и слезам, и наслаждениям; а нам лучше и не пытаться идти вперед, если вернуться так трудно. (5) Мне кажется, очень тонко ответил Панэтий одному юнцу на вопрос, может ли мудрец полюбить: «Как будет с мудрецом, посмотрим; а вот нам с тобой до мудреца далеко, и мы не должны допускать, чтобы над нами взяла верх страсть бурная и необузданная, сама себя ставящая ни во что и отдающаяся во власть другому. Взглянут на нас благосклонно — мы пуще распаляемся от доброты; отвернутся — нас раззадоривает надменность. Вредна и легкая любовь, и трудная: легкостью она берет нас в плен, с трудностями заставляет бороться. Так что лучше нам остаться в покое, зная нашу слабость. Нестойкую душу нельзя вверять ни вину, ни красоте, ни лести, ни другим соблазнительным приманкам». (6) То же самое, что Панэтий говорил о любви, я скажу обо всех страстях. Насколько в наших силах, отойдем от скользкого места: мы и на сухом-то стоим нетвердо. — (7) Ты сейчас выставишь против меня общий упрек, всегда бросаемый стоикам: «Слишком много вы обещаете, слишком суровы ваши наставленья! Мы — люди слабые и не можем себе отказать во всем! Мы будем горевать, но не очень, будем желать, но умеренно, будем сердиться — а потом успокоимся». — Знаешь, почему мы этого не можем? Не верим, что можем! (8) А на деле, клянусь, все иначе! Мы защищаем наши пороки, так как любим их, и предпочитаем извинять их, а не изгонять. На это природа дала человеку довольно сил, — если мы соберем их и напряжем и пустим в ход не против себя, а себе в защиту. «Не хотим» — вот причина; «не можем» — только предлог. Будь здоров.

Приложение 3

Э.Фромм «Душа человека»

Глава «СВОБОДА. ДЕТЕРМИНИЗМ. АЛЬТЕРНАТИВНОСТЬ» (с сокращениями)

Вернемся к вопросу: хорош человек или плох? Свободен он, или его поступки определяются внешними обстоятельствами? Или же эти альтернативы не верны, и человек не является ни тем, ни другим, или он одновременно и то и другое?

Чтобы ответить на эти вопросы, начнем с рассмотрения следующей проблемы. Можно ли вообще говорить о сущности, или природе, человека, и если да, то как ее можно определить?

Задаваясь вопросом, можно ли говорить о сущности человека, сразу сталкиваешься с двумя противоположными точками зрения. …… Я полагаю, что дилемма может быть разрешена, если определять сущность человека не как данное качество или субстанцию, а как противоречие, имманентное человеческому бытию .

Это противоречие проявляется в двух феноменах. Во-первых, человек — это животное, которое по сравнению с другими животными недостаточно оснащено инстинктами, поэтому его выживание гарантировано лишь в случае, если он производит средства, удовлетворяющие его материальные потребности, и если он развивает свой язык и совершенствует предметный мир.

Во-вторых, человек, как и другие животные, обладает интеллектом, который позволяет ему использовать процесс мышления для достижения непосредственных практических целей. Но человек обладает еще и другим духовным свойством, отсутствующим у животного. Он осознает самого себя, свое прошлое и свое будущее, которое есть смерть; он осознает свое ничтожество и бессилие; он воспринимает других как других — в качестве друзей, врагов или чужаков. Человек трансцендирует всю остальную жизнь, поскольку он впервые является жизнью, которая осознает самое себя. Человек находится внутри природы, он подчинен ее диктату и изменениям, и тем не менее он трансцендирует природу, ибо ему недостает нерефлектированности животного, делающей его частью природы, позволяющей ему быть единым с природой. Человек видит свою вовлеченность в ужасный конфликт — он пленник природы, но, несмотря на это, свободен в своем мышлении, он часть природы и все же, так сказать, ее причуда, он не находится ни здесь, ни там. Это осознание самого себя сделало человека чуждым в мире, обособленным от всех, одиноким и преисполненным страха.

Ответ на эти вопросы не может носить теоретического характера (даже если он находит свое выражение в размышлениях о жизни и теориях). В гораздо большей степени человек должен дать ответ всем своим бытием, всеми своими ощущениями и действиями. Этот ответ может быть хорош или плох, но даже наихудший ответ все же лучше, чем вообще никакого. Однако любой ответ должен удовлетворять одному условию; он должен помогать человеку преодолеть чувство обособленности своего бытия и приобрести чувство согласия, единения и сопричастности к миру. Есть целый ряд ответов, которые человек может дать на вопрос, поставленный перед ним его человеческим бытием, и я коротко остановлюсь на этом в последующем изложении. Но хотелось бы еще раз подчеркнуть, что ни один из этих ответов сам по себе еще не составляет сущности человека. Сущность человека скорее состоит в вопросе и потребности ответить на него. Различные формы бытия человека не составляют его сущности, это лишь ответы на конфликт, который сам является проявлением сущности человека.

Первый ответ на стремление преодолеть обособленность существования и достичь единения я обозначил бы как регрессивный ответ. Пытаясь достичь единения, освободиться от страха одиночества и неизвестности, человек может сделать попытку возвращения к своим истокам — к природе, к животной жизни или к своим предкам. Он может попытаться стряхнуть с себя все, что делает его человеком и одновременно мучает, — свой разум и осознание самого себя.

Очевидно, именно это человек пытался сделать на протяжении сотен тысяч лет. Об этом свидетельствуют как история примитивных религий, так и тяжелые психические заболевания. И в примитивных религиях, и в индивидуальной психологии мы находим в той или иной форме одинаковые проявления тяжелого заболевания: регрессию к животному существованию, к сбстоянию пре-индивидуации, попытку освободиться от всего, что является специфически человеческим. Это утверждение мы, однако, должны уточнить в одном отношении. Архаические регрессивные тенденции разделялись многими, поэтому мы имеем здесь дело folie a millions . Именно тот факт, что это безумие разделялось большинством, позволяет ему выступать в качестве мудрости, позволяет фиктивному стать истинным. Индивид, принимающий участие в массовом безумии, теряет ощущение своей полной изоляции, обособленности и избегает, таким образом, интенсивного страха, от которого он страдал бы в более прогрессивном обществе. Не следует забывать, что для большинства людей здравый смысл и реальность есть не что иное, как всеобщее одобрение. Если все думают так же, как сам человек, значит, он не «потерял рассудок».

Эти размышления подводят нас к проблеме свободы человека. Свободен ли человек в любой момент принять решение в пользу добра, или он не обладает этой свободой выбора, поскольку детерминирован внешними и внутренними силами? О проблеме свободы воли уже написано множество книг, и мне кажется, что в качестве введения к последующим страницам едва ли можно найти более подходящее высказывание, чем замечание Уильяма Джеймса * на эту тему. Он пишет: «Широко распространено мнение, что дискуссия о свободе воли уже давно обессилела и увяла и тот, кто одержал в ней верх, может привести в споре лишь избитые аргументы, которые всем хорошо известны. Но это глубокое заблуждение. Я не знаю другой темы, которая была бы менее банальна и дала бы увлеченному человеку лучший шанс сделать новые открытия — возможно, не для того, чтобы навязать решение или вынудить прийти ко всеобщему согласию, но с тем чтобы поделиться с нами более глубоким пониманием того, о чем, собственно, идет речь в споре между двумя сторонами и что в действительности содержат идеи о судьбе и свободе воли». В последующем изложении я со своей стороны попытаюсь дать некоторые предложения по решению этой проблемы, исходя из того, что опыт психоанализа мог бы пролить новый свет на проблему свободы воли и дать возможность увидеть некоторые новые аспекты ее исследования.

Традиционная трактовка вопроса о свободе воли страдала от того, что не имелось достаточного количества эмпирических психологических данных. Вследствие этого появилась склонность к изложению проблемы в самом общем и абстрактном виде. Если мы под свободой воли понимаем свободу выбора, то вопрос сводится к тому, свободны ли мы, например, выбрать между А и Б. Детерминисты говорят, что мы несвободны в этом, поскольку человек, как и все в природе, причинно детерминирован. Как камень, находясь в воздухе, несвободен не упасть, так и человек вынужден решиться в пользу А или Б, ибо определенные мотивы детерминируют, принуждают и побуждают его выбрать А или Б. Противники детерминизма утверждают обратное. Приверженцы религии аргументируют это следующим образом: Бог дал свободу человеку, чтобы выбирать между добром и злом, поэтому человек обладает такой свободой.

Другая аргументация состоит в следующем: человек свободен, поскольку иначе его нельзя сделать ответственным за свои поступки. Третья аргументация такова: человек субъективно переживает себя свободным, поэтому сознание собственной свободы является доказательством ее существования. Все три аргумента кажутся мне неубедительными. Первый предполагает веру в Бога и знание божьих планов в отношении человека. Второй, вероятно, возник из желания сделать человека ответственным за свои поступки, чтобы можно было его наказать. Идея наказания,

которая встречается в большинстве обществ прошлого и настоящего, является прежде всего известной защитой меньшинства имущих от большинства «бедняков» (или, по крайней мере, задумана в качестве таковой); она является символом дисциплинарной власти авторитета. Если есть желание наказать, необходим кто-то, кто отвечает за свои действия. При этом невольно на ум приходит замечание Бернарда Шоу: «Повешение ушло в прошлое — теперь у нас остался только процесс». Третий аргумент — сознание свободы выбора якобы доказывает, что эта свобода существует в действительности, — основательно опровергли уже Спиноза и Лейбниц. Спиноза указал на то, что мы обладаем иллюзией свободы, поскольку мы осознаем наши желания, но не их мотивации. Лейбниц тоже доказывал, что желание отчасти мотивировано неосознанными тенденциями. Остается только удивляться, что большинство из тех, кто занимался этой темой после Спинозы и Лейбница, не признали следующее: проблему свободы воли нельзя решить, пока, мы не поймем, что наши действия определяют неосознанные силы, даже если мы живем в счастливом убеждении, что имеем свободный выбор. Но, исключая эти специальные оговорки, аргументы в пользу свободы воли кажутся противоречащими нашему повседневному опыту. Представлена ли эта точка зрения религиозными этиками, философами-идеалистами или склонными к марксизму экзистенциалистами, она в лучшем случае является благородным постулатом, и, возможно, не таким уж благородным, поскольку она в высшей степени нечестна по отношению к индивиду.

Можно ли действительно утверждать, что человек, выросший в материальной и духовной бедности, никогда не испытавший любви и сочувствия к кому-либо, тело которого из-за многолетнего злоупотребления алкоголем свыклось с пьянством и который не имеет возможности изменить условия своей жизни, — можно ли действительно утверждать, что он «свободен» выбирать? Разве подобная точка зрения не противоречит фактам, разве она вызывает сочувствие, и разве речь не идет в конечном счете о понимании, которое в языке XX в. (как и значительная часть философии Сартра) отражает дух буржуазного индивидуализма и эгоцентризма — новой версии «Единственного и его собственности» Макса Штирнера?

Противоположное, постулируемое детерминизмом мнение, что человек не имеет свободы выбора, что его решения в любой точке вызваны к жизни и детерминированы более ранними по времени внешними и внутренними событиями, на первый взгляд кажется более реалистичным и очевидным. Разве анализ Фрейда и Маркса не показал, как слаб человек в своей борьбе против детерминирующих его инстинктивных и общественных сил, вне зависимости от того, применяется ли детерминизм к социальным группам и классам или к отдельно взятому индивиду? Разве психоанализ не показал, что человек, который не освободился от своей материнской связи, не способен действовать и решать самостоятельно, что он чувствует себя слабым и впадает во все возрастающую зависимость от матери, пока для него не будет больше возврата? Разве марксистский анализ не показал, что если класс, например, мелкая буржуазия, потерял однажды свое достояние, культуру и социальную функцию, то его члены теряют всякую надежду и регрессируют к архаическому некрофильному и нарциссическому ортентированию?

Тем не менее ни Маркс, ни Фрейд не были детерминистами в том смысле, что они якобы верили в категоричность каузальной детерминации. Они оба верили в возможность изменения однажды избранного пути. Они оба видели обоснование этой возможности в способности человека осознавать силы, которые побуждают его действовать таким образом, что это позволит ему вновь обрести свою свободу. Они оба, как и Спиноза, оказавший сильное влияние на Маркса, были одновременно детерминистами и индетерминистами или ни детерминистами, ни индетерминистами.

Оба представляли точку зрения, согласно которой человек детерминирован законами причины и следствия, однако он может создать сферу свободы и постоянно

увеличивать ее посредством расширения сознания и правильных действий. Для него очень важно завоевать оптимум свободы и освободиться от цепей неизбежности.

Предпосылкой освобождения для Фрейда было осознание неосознанного, — а для Маркса — осознание социально-экономических сил и классовых интересов. По мнению обоих, предпосылкой освобождения должно быть не только осознание, но также активная воля и готовность к борьбе.

Каждый психоаналитик, конечно, имел дело с пациентами, которые были готовы полностью изменить тенденции, определявшие их жизнь до сих пор, после чего они осознавали их и со всей энергией пытались вновь обрести свою свободу. Но не нужно быть психоаналитиком, чтобы проделать такой опыт. Некоторые из нас проводили подобный эксперимент над собой или над другими: им удавалось разбить цепь кажущейся каузальности, и они вступали на новый путь, который казался им «чудом», поскольку он противоречил всем трезвым ожиданиям, возможным на основе их прежнего поведения.

Возможность свободного решения мы будем иметь лишь в том случае, если осознаем, каковы реальные возможности, между которыми мы можем выбирать, и каковы «не-реальные возможности», соответствующие субъективным пожеланиям. С помощью последних мы пытаемся увильнуть от трудноразрешимой задачи сделать выбор между альтернативами, которые реально существуют, но не нравятся индивиду или обществу. Эти «не-реальные возможности», конечно, вообще не являются возможностями, это лишь игра воображения. К сожалению, положение таково, что большинство из нас, будучи поставленными перед реальными альтернативами и необходимостью принять решение, требующее благоразумия и жертвы, внушают себе, что существуют якобы еще другие возможности. Так мы закрываем глаза перед фактом, что эти «не-реальные возможности» не существуют и что попытка их реализации является только маскировочным маневром, в то время как на заднем плане судьба принимает свое собственное решение. Человек, который живет иллюзией, что невозможное осуществимо, потом удивляется, возмущается и чувствует себя оскорбленным, если он уже не имеет возможности решать и наступает нежеланная катастрофа. В такой момент он впадает в ошибку, приписывая вину другим, защищая себя и/или взывая к Богу, в то время как вину он должен искать только в самом себе, в недостатке мужества смотреть фактам в лицо и в своем недостаточном благоразумии.

Таким образом, мы пришли к заключению, что действия человека постоянно определяются его склонностями, которые коренятся в действующих в нем силах (обычно неосознанных). Когда эти силы достигают определенной интенсивности, они могут быть настолько могущественны, что не только предрасполагают человека к решению, но и предписывают ему принять это решение, обрекая его тем самым на потерю свободы выбора. В случае, когда в человеке действуют противоречивые склонности, у него есть свобода выбора. Границы этой свободы определяются существующими реальными возможностями. Эти реальные возможности детерминированы общей ситуацией. Свобода человека состоит в его возможности выбирать между двумя наличными реальными альтернативами. Свободу в этом смысле следует дефинировать не как «действия в сознании необходимости», но как действия на основе осознания альтернатив и их последствий. В любом случае здесь нет индетерминизма; иногда речь идет о детерминизме, а иногда об альтернативности, которая основывается на феномене, присущем только человеку, — на осознанной убежденности. Другими словами, каждое событие имеет свою причину. Но в стечении обстоятельств, предшествующих событию, может быть множество мотиваций, которые могут стать причиной последующего события. Какая из возможных причин станет действующей причиной, может зависеть от того, сознает ли человек, в какой момент принимает решение. Выражаясь иначе, нет ничего, что бы не имело своей причины, но не все детерминировано (в смысле «жесткого» детерминизма).

В своих воззрениях на детерминизм, индетерминизм и альтернативность я, по существу, примыкаю к идеям трех мыслителей: Спинозы, Маркса и Фрейда. Часто всех троих называют «детерминистами». Для этого есть основания, тем более что они сами себя так называли. Спиноза писал: «В душе нет никакой абсолютной или свободной воли, но к тому или другому хотению душа определяется причиной, которая в свою очередь определена другой причиной, эта — третьей и так до бесконечности» (Спиноза. Этика. Часть 2. Теорема 48). Факт субъективного переживания нашей воли как свободной, что для Канта и многих других философов как раз является доказательством нашей свободы воли, Спиноза объясняет как следствие самообмана: мы осознаем наши желания, но мы не осознаем мотивов наших желаний. Поэтому мы думаем, что мы «свободны» в своих желаниях. Фрейд тоже считал себя сторонником детерминизма. Он критиковал глубоко коренящуюся веру в психическую свободу и произвол и подчеркивал, что этот индетерминизм является совершенно ненаучным и должен капитулировать перед требованием детерминизма, господствующего также и в духовной жизни. И Маркс, как кажется, был детерминистом. Он открыл законы истории, объясняя политические события как следствия классового расслоения и классовой борьбы, а последние опять же объяснял как следствие действующих производительных сил и их развития. Кажется, что все три мыслителя отрицали человеческую свободу и видели в человеке орудие сил, оперирующих за его спиной и не только склоняющих его к определенным действиям, но и детерминирующих их. В этом смысле Маркс принадлежит к тем гегельянцам, для которых познанная необходимость есть максимум свободы. Спиноза, Маркс и Фрейд выражали свои взгляды таким образом, что их можно квалифицировать как детерминистов, и многие их ученики понимали их именно так. Особенно это относится к Марксу и Фрейду. Многие «марксисты» высказывали мнение, которое сводилось к следующему: ход истории неизбежен, будущее определяется прошлым и некоторые события наступают с неотвратимостью. Многие ученики Фрейда утверждали то же самое в отношении Фрейда: доказывали, что психология Фрейда именно потому и научна, что она якобы может предсказать последствия события на основании причин, его вызвавших.

Но эта интерпретация Спинозы, Маркса и Фрейда как детерминистов полностью оставляет без внимания другой аспект в философии этих трех мыслителей. Почему главным трудом «детерминиста» Спинозы была работа по этике? Почему основным замыслом Маркса была социалистическая революция, а основной целью Фрейда — терапия, которая должна излечить душевнобольных людей от неврозов?

Ответ на эти вопросы довольно прост. Все трое мыслителей видели, в какой мере индивид и общество склоняются к тому, чтобы действовать определенным образом, и зачастую это происходило так, что склонность становилась детерминацией. Но вместе с тем они были не только философами, которые хотели объяснять и интерпретировать, они были людьми, которые хотели изменять и преобразовывать.

Спиноза считал, что задача человека, его этическая цель состоит в том, чтобы сократить свою детерминированность и достигнуть оптимума свободы. Человек может достичь этого, когда он осознает самого себя, когда свои страсти, которые делают его слепым и держат в оковах, он превратит в такие аффекты, которые позволят ему действовать в соответствии со своими истинными интересами как человеческого существа. «Аффект, составляющий пассивное состояние, перестает быть им, как скоро мы образуем ясную и отчетливую идею его» (Спиноза. Этика. Часть 5. Теорема 3). Свобода не есть нечто дарованное нам; согласно Спинозе, это то, что мы можем в известных границах приобрести посредством познания и усилий. Если мы сильны и сознательны, мы можем выбрать альтернативу. Однако завоевать свободу трудно; поэтому большинство из нас терпит при этом неудачу. В самом конце своей «Этики» Спиноза пишет: «Таким образом, я изложил все, что предполагал сказать относительно способности души к укрощению аффектов и о ее свободе. Из сказанного становится

ясно, насколько мудрый сильнее и могущественнее невежды, действующего единственно под влиянием страсти. Ибо невежда, не говоря уже о том, что находится под самым разнообразным действием внешних причин и никогда не обладает истинным душевным удовлетворением, живет, кроме того, как бы не зная самого себя, Бога и вещей, и, как только перестает страдать, перестает и существовать.

Наоборот, мудрый, как таковой, едва ли подвергается какому-либо душевному волнению; познавая с некоторой вечной необходимостью самого себя, Бога и вещи, он никогда не прекращает своего существования, но всегда обладает истинным душевным удовлетворением. Если же путь, который, как я показал, ведет к этому и кажется весьма трудным, однако все же его можно найти. Да он и должен быть трудным, ибо его так редко находят. В самом деле, если бы спасение было у всех под руками и могло бы быть найдено без особого труда, то как же могли бы почти все пренебрегать им? Но все прекрасное так же трудно, как и редко».

Спиноза, основатель современной психологии, знакомый с факторами, детерминирующими человека, тем не менее пишет «Этику». Он хотел показать, что человек из рабства может попасть в царство свободы. И под «этикой» он понимает как раз завоевание свободы. Это завоевание становится возможным через разум, через адекватные идеи, через осознание самого себя. Но оно возможно только в том случае, когда человек прикладывает в этом направлении больше усилий, чем готово приложить большинство людей.

Если произведение Спинозы является трудом, рассчитанным на «спасение» человека (причем под «спасением» следует понимать завоевание свободы через осознание и интенсивные усилия), то Маркс тоже имел намерение освободить индивида. Но в то время как Спиноза занимался иррациональностью индивида, Маркс расширил это понятие. Он считал, что иррациональность индивида вызвана к жизни иррациональностью общества, в котором он живет, и эта иррациональность сама является следствием беспланости и противоречий в экономической и социальной действительности. Целью Маркса, как и Спинозы, является свободный и независимый человек. Но чтобы достичь этой свободы, человек должен осознавать силы, действующие за его спиной и детерминирующие его. Эмансипация вырастает из осознания и усилия. Исходя из убеждения, что рабочий класс является инструментом истории для универсального освобождения человека, Маркс считал, что классовое сознание и классовая борьба есть непременные условия для эмансипации человека.

Как и Спиноза, Маркс является детерминистом, когда говорит: если ты остаешься слепым и не предпринимаешь предельных усилий, ты потеряешь свою свободу. Но, как и Спиноза, он является не только человеком, который хочет интерпретировать; он является человеком, который хочет изменять, — поэтому весь его труд есть попытка научить человека, как он может стать свободным через осознание и усилие. Маркс никогда не говорил (как часто полагают), что он мог бы предсказать исторические события, которые неизбежно должны произойти. Он всегда был сторонником альтернативы. Человек может разбить цепи необходимости, если он осознает силы, действующие за его спиной, если он предпринимает чрезвычайные усилия для завоевания своей свободы. Роза Люксембург, одна из величайших интерпретаторов Маркса, сформулировала его позицию следующим образом: в нашем веке у человека есть альтернатива выбирать «между социализмом и варварством».

Детерминист Фрейд тоже был человеком, который хотел изменять: он хотел превратить невроз в здоровье и заместить господство Оно господством Я. Невроз, какого бы вида он ни был, представляет собой не что иное, как потерю свободы человека разумно действовать.

Психическое здоровье представляет собой не что иное, как свободу человека действовать в соответствии со своими истинными интересами. Фрейд видел, так же как Спиноза и Маркс, в сколь значительной степени детерминирован человек. Но и Фрейд

понял, что посредством самосознания и серьезных усилий можно противостоять принуждению действовать определенным иррациональным и потому деструктивным образом. Поэтому его работа представляет собой попытку найти метод, с помощью которого можно лечить неврозы самосознанием, и лозунг его терапии гласит: «Правда должна сделать тебя свободным». Многие представления являются общими для всех трех мыслителей: 1. Действия человека определяются предшествующими причинами, но он может с помощью серьезных усилий освободиться от силы этих причин через их осознание.

2. Теорию и практику не следует отделять друг от друга. Чтобы достичь «спасения» или освобождения, следует иметь точное знание, иметь правильную «теорию». Но знания нельзя достичь без того, чтобы действовать и бороться . Великое открытие всех трех мыслителей состояло именно в том, что теория и практика, истолкование и изменение неотрывны друг от друга.

3. Хотя они были детерминистами в том смысле, что разделяли точку зрения, согласно которой человек может проиграть борьбу за свою независимость и свободу, однако они в принципе были и сторонниками альтернативы: они учили, что человек может выбирать между определенными установимыми возможностями и что от него зависит, какая из этих альтернатив осуществится; это зависит от него до тех пор, пока он не потерял свою свободу. Так, Спиноза не думал, что каждый достигнет своего спасения, Маркс не думал, что социализм должен победить при всех обстоятельствах, а Фрейд не думал, что любой невроз может быть вылечен с помощью его метода. В действительности все трое были скептиками и одновременно людьми глубокой веры. Для них свобода была чем-то большим, чем деятельностью на основе осознанной необходимости, она была великим шансом человека выбрать добро, а не зло, его шансом выбирать между реальными возможностями, опираясь на ясное осознание ситуации и серьезные усилия. Их позиция не была ни детерминизмом, ни индетерминизмом, это была позиция реалистического критического гуманизма.

То же самое является принципиальной установкой буддизма. Будда усматривал в желаниях причину человеческого страдания. Он ставит человека перед альтернативой: либо предаваться своим желаниям и тем самым своему страданию и оставаться привязанным к колесу перерождений, либо отказаться от желаний и тем самым положить конец своим страданиям и перерождениям. Человек должен выбирать между этими двумя реальными возможностями, третьей возможности у него нет.

Мы исследовали сердце человека — его «душу», его склонность к добру и злу. Имеем ли мы теперь более основательную почву под ногами, чем в первой главе этой книги, когда мы поставили некоторые вопросы?

Возможно. По крайней мере, стоило бы еще раз обобщить результаты нашего исследования.

1. Зло — специфически человеческий феномен. Это попытка регрессировать к до-человеческому состоянию и уничтожить специфически человеческое: разум, любовь, свободу. Но зло — не только нечто человеческое, оно также нечто трагическое. Даже когда человек регрессирует к совершенно архаическим формам переживания, он ни на минуту не может перестать быть человеком, поэтому он никогда не может удовлетвориться злом как решением. Животное не может быть злым, речь идет об имманентно присущих инстинктах, которые, по существу, служат ему для выживания. Зло есть попытка трансцендировать область человеческого на нечеловеческое, и тем не менее это нечто глубоко человеческое, поскольку человек так же не может стать животным, как он не может стать «божеством». В зле человек теряет сам себя при трагической попытке освободиться от тяжести своего человеческого бытия. Потенциал зла увеличивается еще и за счет того, что человек наделен способностью представлять себе все возможности зла, и желать их, и носиться с мыслью об этом, питая свою злую фантазию.

Идея добра и зла, как я ее здесь сформулировал, по существу, соответствует точке зрения Спинозы, когда он пишет: «...под добром я буду разуметь в последующем то, что составляет для нас, как мы наверное знаем, средство к тому, чтобы все более и более приближаться к предначертанному нами образцу человеческой природы; под злом же то, что, как мы наверное знаем, препятствует нам достигать такого образца» (Спиноза. Этика. Часть 4. Предисловие). Отсюда для Спинозы логически следует: «...лошадь, например, исчезает, превращаясь как в человека, так и в насекомое» (там же). Добро состоит в том, что мы все более приближаем наше существование к нашей истинной сущности, зло состоит в постоянно возрастающем отчуждении между нашим бытием и нашей сущностью.

2. Степени зла соответствует степень регрессии. Наибольшим злом являются те побуждения, которые направлены против жизни: любовь к мертвому; инцестуально-симбиозные устремления возвратиться в лоно матери, к земле, к неорганическому; нарциссическое самопожертвование, которое делает человека врагом жизни именно потому, что он не может покинуть тюрьму своего собственного «Я». Так жить — значит жить в «аду».

3. Зло также существует и в меньшей степени, что соответствует и меньшей регрессии. В таком случае речь идет о дефиците любви, разума, о недостатке интереса и нехватке мужества.

4. Человек склонен идти назад и вперед, иначе говоря, он склонен к добру и злу.

Когда обе склонности еще находятся в равновесии, он свободен выбирать, если предположить, что он может осознать свою ситуацию и способен к серьезным усилиям. Тогда он может выбирать между альтернативами, детерминированными, со своей стороны, общей ситуацией, в которой он находится. Однако если его сердце ожесточилось до такой степени, что его склонности больше не уравновешены, он больше не свободен в выборе. В цепи событий, которые ведут к утрате свободы, последнее решение обычно не дает человеку возможности свободного выбора; при первом решении еще существует возможность, что он свободно выберет путь к добру, если предположить, что он сознает значение этого первого решения.

5. Вплоть до точки, в которой у него больше нет свободы выбора, человек ответствен за свои действия. Но ответственность является только этическим постулатом, и часто речь идет лишь о рационализации желания авторитарных инстанций иметь возможность наказать человека. Именно потому, что зло есть нечто вообще человеческое, ибо оно представляет потенциал регрессии и потерю нашей гуманности, оно живет в каждом из нас. Чем больше мы осознаем это, тем меньше мы в состоянии сделаться судьями над другими людьми.

6. Сердце человека может ожесточиться, оно может стать нечеловечным, но никогда не может стать нечеловеческим. Человеческое сердце всегда остается человеческим. Все мы детерминированы тем, что родились людьми и потому всегда стоим перед задачей принимать решения. Вместе с нашими целями мы должны выбирать и наши средства. Мы не можем полагаться на то, что кто-то нас освободит, но мы должны постоянно сознавать тот факт, что неправильные решения отнимают у нас возможность освободить самих себя.

Мы должны на деле достичь осознания самих себя, чтобы иметь возможность выбрать добро, но это самосознание не поможет нам, если мы потеряли способность быть до глубины души взволнованными бедой другого человеческого существа, дружеским взглядом, пением птиц и свежей зеленью травы. Если человек равнодушен к жизни, то больше нет надежды, что он выберет добро. Его сердце действительно ожесточилось настолько, что его «жизнь» закончилась. Если бы это случилось со всей человеческой расой или ее наиболее могущественными членами, это могло бы привести к угасанию жизни человечества в ее самый многообещающий момент.

Приложение 4

Владимир Соловьев

Русская идея

Цель этих страниц не в том, чтобы сообщить какие-либо подробности о современном положении России, исходя из того предположения, что она является страной, не известной Западу, страной, о которой на Западе имеют ложные представления.

(…)Я имею в виду вопрос о смысле существования России во всемирной истории.

Когда видишь, как эта огромная империя с большим или меньшим блеском в течение двух веков выступала на мировой сцене, когда видишь, как она по многим второстепенным вопросам приняла европейскую цивилизацию, упорно отбрасывая ее по другим, более важным, сохраняя таким образом оригинальность, которая, хотя и является чисто отрицательной, но не лишена тем не менее своеобразного величия, - когда видишь этот великий исторический факт, то спрашиваешь себя: какова же та мысль, которую он скрывает за собою или открывает нам; каков идеальный принцип, одушевляющий это огромное тело, какое новое слово этот новый народ скажет человечеству; что желает он сделать в истории мира? Чтобы разрешить этот вопрос, мы не обратимся к общественному мнению сегодняшнего дня, что поставило бы нас в опасность быть разочарованными событиями последующего дня. Мы поищем ответа в вечных истинах религии. Ибо идея нации есть не то, что она сама думает о себе во времени, но то, что Бог думает о ней в вечности.

Действительно, когда я думаю о пророческих лучах великого будущего, озарявших первые шаги нашей истории, когда я вспоминаю о благородном и мудром акте национального самоотречения, создавшем более тысячи лет тому назад русское государство в дни, когда наши предки, видя недостаточность туземных элементов для организации общественного порядка, по своей доброй воле и по зрелом размышлении призвали к власти скандинавских князей, сказав им достопамятные слова: "Земля наша велика и обильна, а порядка в ней нет, приходите княжить и владеть нами". А после столь оригинального установления материального порядка не менее замечательное водворение христианства и великолепный образ Святого Владимира, усердного и фанатического поклонника идолов, который, почувствовав неудовлетворенность язычества и испытывая внутреннюю потребность в истинной религии, долго размышлял и совещался, прежде чем принять эту последнюю, но, став христианином, пожелал быть им на самом деле и не только отдался делам милосердия, ухаживая за больными и бедными, но проявил большее проникновение евангельским духом, чем крестившие его греческие епископы; ибо этим епископам удалось только путем утонченных аргументов убедить этого, некогда столь кровожадного князя в необходимости применять смертную казнь к разбойникам и убийцам:

"Боюсь греха", говорил он своим духовным отцам. И затем, когда за этим "красным солнышком" - так народная поэзия прозвала нашего первого христианского князя, - когда за этим красным солнышком, озарявшим начало нашей истории, последовали века мрака и смут, когда после долгого ряда бедствий, оттесненный в холодные леса северо-востока, притупленный рабством и необходимостью тяжелого труда на неблагодарной почве, отрезанный от цивилизованного мира, едва доступный даже для послов главы христианства[3], русский народ опустился до грубого варварства, подчеркнутого глупой и невежественной национальной гордостью, когда, забыв истинное христианство Святого Владимира, московское благочестие стало упорствовать в нелепых спорах об обрядовых мелочах и когда тысячи людей посылались на костры за излишнюю привязанность к типографским ошибкам в старых церковных книгах, - внезапно в этом хаосе варварства и бедствий подымается колоссальный и единственный в своем роде образ Петра Великого. Отбросив слепой

национализм Москвы, проникнутый просвещенным патриотизмом, видящим истинные потребности своего народа, он не останавливается ни перед чем, чтобы внести, хотя бы насильственно, в Россию ту цивилизацию, которую она презирала, но которая была ей необходима; он не только призывает эту чуждую цивилизацию, как могучий покровитель, но сам идет к ней, как смиренный служитель и прилежный ученик;и несмотря на крупные недочеты в его характере как частного лица, он до конца являет достойный удивления пример преданности долгу и гражданской доблести. И вот, вспоминая все это, говоришь себе: сколь велико и прекрасно должно быть в своем конечном осуществлении национальное дело, имевшее таких предшественников, и как высоко должна, если она не хочет упасть, ставить свою цель страна, имевшая во времена своего варварства своими представителями Святого Владимира и Петра Великого. Но истинное величие России - мертвая буква для наших лжепатриотов, желающих навязать русскому народу историческую миссию на свой образец и в пределах своего понимания. Нашим национальным делом, если их послушать, является нечто, чего проще на свете не бывает, и зависит оно от одной-единственной силы - силы оружия. Добить издыхающую Оттоманскую империю, а затем разрушить монархию Габсбургов, поместив на месте этих двух держав кучу маленьких независимых национальных королевств, которые только и ждут этого торжественного часа своего окончательного освобождения, чтобы броситься друг на друга. Действительно, стоило России страдать и бороться тысячу лет, становиться христианской со Святым Владимиром и европейской с Петром Великим, постоянно занимая при этом своеобразное место между Востоком и Западом, и все это для того, чтобы в последнем счете стать орудием "великой идеи" сербской и "великой идеи" болгарской!

Но, скажут нам, не в этом дело: истинная цель нашей национальной политики - это Константинополь. По-видимому, греков уже перестали принимать в расчет, а ведь у них есть тоже своя "великая идея" панэллинизма. Но самое важное было бы знать, с чем, во имя чего можем мы вступить в Константинополь? Что можем мы принести туда, кроме языческой идеи абсолютного государства, принципов цезарепапизма, заимствованных нами у греков и уже погубивших Византию? В истории мира есть события таинственные, но нет бессмысленных. Нет! Не этой России, какой мы ее видим теперь, России, изменившей лучшим своим воспоминаниям, урокам Владимира и Петра Великого, России, одержимой слепым национализмом и необузданным обскурантизмом, не ей овладеть когда-либо вторым Римом и положить конец роковому восточному вопросу. Если благодаря нашим ошибкам этот вопрос не может быть разрешен к вящей нашей славе, он будет разрешен к вящему нашему унижению. Если Россия будет упорствовать на пути гнетущего обскурантизма, на который она вновь вступила теперь, место на Востоке займет другая национальная сила, в значительной степени менее одаренная, но зато и значительно более устойчивая в своих ограниченных духовных силах. Болгары, вчера еще столь любезные нам и покровительствуемые нами, сегодня презренные бунтовщики в наших глазах, завтра станут нашими торжествующими соперниками и господами древней Византии.

IV

(…)Смысл существования наций не лежит в них самих, но в человечестве. Но где же оно, это человечество? Не является ли оно лишь абстрактным существом, лишенным всякого реального бытия? С таким же правом можно было бы сказать, что рука и нога реально существуют, а человек в его целом есть лишь абстрактное существо. Впрочем, зоологам известны животные (принадлежащие по большей части к низшему классу actinozoa: медузы, полипы и т. д.), представляющие в сущности лишь весьма дифференцированные и живущие обособленной жизнью органы, так что животное в его целом существует лишь в идее. Таков был и образ существования человеческого рода до христианства, когда в действительности существовали

лишь disjecta membra[4]вселенского человека - племена и нации, разделенные или частично связанные внешней силой, когда истинное существенное единство человечества было лишь обетованием, пророческой идеей. Но эта идея стала плотью, когда абсолютный центр всех существ открылся во Христе. С тех пор великое человеческое единство, вселенское тело Богочеловека, реально существует на земле. Оно несовершенно, но оно существует; оно несовершенно, но оно движется к совершенству, оно растет и расширяется вовне и развивается внутренне. Человечество уже не абстрактное существо, его субстанциальная форма реализуется в христианском мире, в Вселенской Церкви.

Участвовать в жизни вселенской Церкви, в развитии великой христианской цивилизации, участвовать в этом по мере сил и особых дарований своих, вот в чем, следовательно, единственная истинная цель, единственная истинная миссия всякого народа. Это - очевидная и элементарная истина, что идея отдельного органа не может обособлять его и ставить в положение противоборства к остальным органам, но что она есть основание его единства и солидарности со всеми частями живого тела. И с христианской точки зрения нельзя оспаривать приложимости этой совершенно элементарной истины ко всему человечеству, которое есть живое тело Христа. Вот почему сам Христос, признав в последнем слове своем к апостолам, существование и призвание всех наций (Матф. XXVIII, 19), не обратился сам и не послал учеников своих ни к какой нации в частности: ведь для Него они существовали лишь в своем моральном и органическом союзе, как живые члены одного духовного и реального тела. Таким образом, христианская истина утверждает неизменное существование наций и прав национальности, осуждая в то же время национализм, представляющий для народа то же, что эгоизм для индивида: дурной принцип, стремящийся изолировать отдельное существо превращением различия в разделение, а разделения в антагонизм.

V

Русский народ - народ христианский, и, следовательно, чтобы познать истинную русскую идею, нельзя ставить себе вопроса, что сделает Россия чрез себя и для себя, но что она должна сделать во имя христианского начала, признаваемого ею и во благо всего христианского мира, частью которого она предполагается. Она должна, чтобы действительно выполнить свою миссию, всем сердцем и душой войти в общую жизнь христианского мира и положить все свои национальные силы на осуществление, в согласии с другими народами, того совершенного и вселенского единства человеческого рода, непреложное основание которого дано нам в Церкви Христовой. Но дух национального эгоизма не так-то легко отдает себя на жертву. У нас он нашел средство утвердиться, не отрекаясь открыто от религиозного характера, присущего русской национальности. Не только признается, что русский народ - народ христианский, но напыщенно заявляется, что он - христианский народ по преимуществу и что Церковь есть истинная основа нашей национальной жизни; но все это лишь для того, чтобы утверждать, что Церковь имеется исключительно у нас и что мы имеем монополию веры и христианской жизни. Таким образом Церковь, которая в действительности есть нерушимая скала вселенского единства и солидарности, становится для России палладиумом узкого национального партикуляризма, а зачастую даже пассивным орудием эгоистической и ненавистнической политики.

Наша религия, поскольку она проявляется в вере народной и в богослужении, вполне православна. Русская Церковь, поскольку она сохраняет истину веры, непрерывность преемственности от апостолов и действенность таинств, участвует по существу в единстве Вселенской Церкви, основанной Христом. И если, к несчастью, это единство существует у нас только в скрытом состоянии и не достигает живой действительности, то в этом виноваты вековые цепи, сковывающие тело нашей Церкви с нечистым трупом, удушающим ее своим разложением.

VI

(…)Религиозное и умственное освобождение России есть в настоящую минуту для нашего правительства дело такой же настоятельной необходимости, каким тридцать лет тому назад являлось освобождение крепостных для правительства АлександраII. Крепостная зависимость так же была в свое время чем-то полезным и необходимым. Равным образом и официальная опека, наложенная на национальный дух России, могла быть благодетельной, когда этот дух был еще в детском состоянии; в настоящее время она может только придушить его. Бесполезно все снова и снова повторять, что наш национальный организм полон здоровья и силы, словно надо быть непременно слабым и больным, чтобы можно было тебя задушить. Каковы бы ни были внутренне присущие русскому народу качества, они не могут проявляться нормальным образом, пока его совесть и его мысль остаются парализованными правящим насилием и обскурантизмом. Прежде всего необходимо дать свободный доступ чистому воздуху и свету, снять искусственные преграды, удерживающие религиозный дух нашей нации в обособлении и бездеятельности, надо открыть ему прямой путь к полной и живой истине.

IX

Вот уже около тридцати или сорока лет, как более или менее почтенные писатели проповедуют нам, как во Франции, так и в России1, некоторое идеальное христианство и идеальную церковь, духовное царство свободного братства и совершенной любви. Таков, конечно, идеал, то есть будущее церкви. Доктрина этих авторов есть пророчество. Но, чтобы не быть лжепророчеством, она должна была бы указать нам прямой путь и действительные средства к осуществлению этого абсолютного идеала. Идеал, если он только не пустая мечта, не может быть ничем другим, как осуществимым совершенством того, что уже дано. Разве отказом от прошлого Вселенской Церкви и разрушением ее формы, как она нам дана в настоящем, можем мы прийти к идеальному царству братства и совершенной любви? Это было бы лишь довольно неуместным приложением закона отцеубийства, правящего нашей смертной жизнью. В этой жизни, определяемой состоянием извращенности природы, новое поколение достигает пользования действительностью, лишь неблагородно вытесняя своих предков, но потому-то это преступное существование и длится лишь одно мгновение; и если Кронос, искалечив и вытеснив старого Ураноса, сам был в свою очередь устранен Зевсом, которого ему не удалось проглотить, то и этот новый бог вступил на оскверненный престол лишь для того, чтобы со временем потерпеть подобную же участь. Таков закон фальсифицированной и извращенной жизни, жизни, которой не надлежало бы быть, ибо она скорее смерть, чем жизнь; и в силу этого человечество, истомленное нескончаемостью бедствия, в смертельной тоске ждало, как истинного спасителя. Сына Бога, который не был бы соперником своего Отца. И теперь, когда этот истинный Сын, не замещающий, но являющий в себе и прославляющий Отца, пришел и дал возрожденному человечеству, Вселенской Церкви, закон бессмертной жизни, пытаются под новой маской ввести в саму эту Церковь, в этот организм истинной жизни, упраздненный закон смерти!

На самом деле во Вселенской Церкви прошлое и будущее, традиция и идеал не только не исключают друг друга, но равно существенны и необходимы для создания истинного настоящего человечества, его благосостояния в данное время. Благочестие, справедливость и милосердие, чуждые всякой зависти и всякому соперничеству, должны образовать устойчивую и нерасторжимую связь между тремя основными действующими силами социального и исторического человечества, между представителями его прошлого единства, его настоящей множественности и его будущей целостности.

Принцип прошлого, или отчества, осуществлен в Церкви священством, духовными отцами, старцами или старейшинами по преимуществу (pretre отпресвитер - senior), представителями на земле небесного Отца, Ветхого деньми. И для всеобщей,

или кафолической, Церкви должно существовать общее, или интернациональное, священство, централизованное и объединенное в лице общего Отца всех народов, верховного первосвященника. Очевидно, в самом деле, что национальное священство не может, как таковое, быть представителем общего отчества, долженствующего равно обнимать все нации. Что же касается до соединения различных национальных клиров в одно вселенское тело, то оно может быть осуществлено лишь при посредстве реального и постоянного интернационального центра, могущего по праву и на деле противодействовать всем партикуляристическим тенденциям.

Реальное единство семьи не может существовать правильным и устойчивым образом без общего отца или кого-либо, замещающего его. Чтобы создать из индивидов и народов семью, реальное братство, необходимо осуществить здесь, на земле, отческий принцип религии в церковной монархии, которая действительно могла бы объединить вокруг себя все национальные и индивидуальные элементы и служить им постоянно живым образом и свободным орудием небесного отчества.

Вселенское, или интернациональное, священство с Верховным Первосвященником как единственным центром отображает, одухотворяя его, первый возраст человечества, когда все народы в действительности были соединены общностью происхождения и тождественностью религиозных идей и правил жизни. В этом истинное прошлое человеческого рода, прошлое, не ложащееся гнетом на настоящее, но служащее ему устойчивой основой, и не исключающее будущего, но по существу единое с ним; что же касается настоящего человечества, то оно является нам определенным многообразием наций, стремящихся сплотиться в законченные тела, или государства, имеющие каждое отдельный независимый центр, светскую власть или мирское правительство, представляющее и направляющее объединенную деятельность национальных сил. Интересы человечества в целом не существуют для государства и светского правительства, обязанности которого ограничены той частью человеческого рода, во главе которой оно стоит. Вселенская Церковь, пребывая чрез посредство священнического чина, объединенного в лице Верховного Первосвященника, хранительницей религии всеобщего отчества, великого и вечного прошлого нашего рода, не исключает, однако, наличного многообразия наций и государств. Церковь не может только ни в каком случае санкционировать - и в этом она является верным орудием истины и воли Божией - раздоров и борьбы между нациями как окончательного состояния человеческого общества. Истинная Церковь всегда осудит доктрину, утверждающую, что нет ничего выше национальных интересов, это новое язычество, творящее себе из нации верховное божество, этот ложный патриотизм, стремящийся стать на место религии. Церковь признает права наций, нападая в то же время на национальный эгоизм; она уважает власть государства, но противоборствует его абсолютизму.

Национальные различия должны пребыть до конца веков; народы должны оставаться на деле обособленными членами вселенского организма. Но и сам этот организм должен также существовать на деле; великое человеческое единство не должно существовать лишь в виде скрытой силы или абстрактного существа, но должно воплотиться в видимом социальном теле, явная и непрестанная центростремительная сила которого могла бы противодействовать множеству центробежных сил, раздирающих человечество.

Чтобы достигнуть идеала совершенного единства, нужно опираться на единство не совершенное, но реальное. Прежде чем объединиться в свободе, нужно объединиться в послушании. Чтобы возвыситься до вселенского братства, нации, государства и властители должны подчиниться сначала вселенскомусыновству, признав моральный авторитет общего отца. Забвение тех чувств, которые народы должны питать к религиозному прошлому человечества, было бы весьма плохим

предзнаменованием для будущего этого последнего. Когда сеешь нечестие, пожинаешь отнюдь не братство.

Истинная будущность человечества, над которой нам надлежит потрудиться, есть вселенское братство, исходящее из вселенского отчества чрез непрестанное моральное и социальное сыновство. Это будущее, которое для осуществления полного идеала должно согласить интересы настоящей жизни с правами прошлого, было во все времена представляемо в церкви Бога истинными пророками. Общение Бога с людьми, или Вселенская Церковь (в широком смысле этого слова), имея в священстве орудие своего основного религиозного единства и в мирской власти орудие своей наличной национальной множественности, должна выявить также свою абсолютную целостность, свое свободное и совершенное единство при посредстве пророков, свободно воздвигаемых Духом Божиим для просвещения народов и их властителей и непрестанно указывающих им на совершенный идеал человеческого общества. -

В силу исторических условий, в которые она поставлена, Россия являет наиболее полное развитие, наиболее чистое и наиболее могущественное выражение абсолютного национального государства, отвергающего единство Церкви и исключающего религиозную свободу. Если бы мы были языческим народом, мы, конечно, могли бы окончательно кристаллизоваться в сказанном состоянии. Но народ русский - народ в глубине души своей христианский, и непомерное развитие, которое получил в нем антихристианский принцип абсолютного государства, есть лишь обратная сторона принципа истинного, начала христианского государства, царской власти Христа. Это есть второе начало социальной троицы, и, дабы проявить его в правде и истине, Россия должна прежде всего поставить это начало на то место, которое ему принадлежит, признать и утвердить его не как единственный принцип нашего обособленного национального существования, но как второй из трех главных деятелей вселенской социальной жизни, в неразрывной связи с которой мы должны пребывать. Христианская Россия, подражая самому Христу, должна подчинить власть государства (царственную власть Сына) авторитету Вселенской Церкви (священству Отца) и отвести подобающее место общественной свободе (действию Духа). Русская империя, отъединенная в своем абсолютизме, есть лишь угроза борьбы и бесконечных войн. Русская империя, пожелавшая служить Вселенской Церкви и делу общественной организации, взять их под свой покров, внесет в семейство народов мир и благословение.

"Не добро быть человеку одному". То же можно сказать и о всякой нации. Девятьсот лет тому назад мы были крещены Святым Владимиром во имя животворящей Троицы, а не во имя бесплодного единства. Русская идея не может заключаться в отречении от нашего крещения. Русская идея, исторический долг России требует от нас признания нашей неразрывной связи с вселенским семейством Христа и обращения всех наших национальных дарований, всей мощи нашей империи на окончательное осуществление социальной троицы, где каждое из трех главных органических единств, церковь, государство и общество, безусловно свободно и державно, не в отъединении от двух других, поглощая или истребляя их, но в утверждении безусловной внутренней связи с ними. Восстановить на земле этот верный образ божественной Троицы - вот в чем русская идея. И в том, что эта идея не имеет в себе ничего исключительного и партикуляристи-ческого, что она представляет лишь новый аспект самой христианской идеи, что для осуществления этого национального призвания нам не нужно действовать против других наций, но с ними и для них, - в этом лежит великое доказательство, что эта идея есть идея истинная. Ибо истина есть лишь форма Добра, а Добру неведома зависть.

Париж, 23 мая 1888 г.

Приложение 5

Губин В.Д. Основы философии: Учеб. пособие. - 2-е изд. - М.: Форум: Инфа-М, 2008. - стр.187-191.

Смысл жизни

В XX веке стало очевидным, что попытки разрешения великих исторических задач во все времена должны быть признаны сплошной неудачей. В исторической судьбе человека в сущности все не удалось и, видимо, никогда не будет удаваться. Не выполнен ни один замысел, ни одна задача и цель ни одной исторической эпохи, полагал Бердяев. Не удался Ренессанс, а то, что им создано, не соответствует его планам. Такие же неудачи постигли Реформацию, поставившую себе великую цель утверждения религиозной свободы и приведшую к крушению религии; Французскую революцию, создавшую вместо братства, равенства и свободы буржуазное общество, новые формы неравенства и ненависти людей друг к другу Не удается, говорил Бердяев в работе «Смысл истории», социализм Социализм вскрывает новые внутренние противоречия человеческой жизни, которые делают невозможным осуществление тех задач, которые выставило социалистическое движение. Социализм никогда не приведет человека к богатству, не осуществит равенства, а создаст лишь новую вражду между людьми, новую разобщенность и новые неслыханные формы гнета. Не удается и анархизм, он никогда не осуществит той предельной свободы, к которой призывает, наоборот, может установить еще большее рабство.

Никогда не удавалась ни одна из революций, ибо они обычно кончались реакцией. Не удалось и христианство, — те задания, которые были поставлены христианской верой 2000 лет назад, никогда не были и не будут осуществлены. История и все историческое по природе своей таковы, что никакие совершенные осуществления в ней невозможны.

В мире всегда, полагают русские религиозные мыслители, будет царить слепая случайность, человек всегда будет бессильной былинкой, всегда на земле будут царить слепая страсть, глупость и зло.

Но подлинно нравственная установка знает только одну цель: творить добро, вливать в мир силу добра и столь же неустанно бороться с грехом, злом, неустроенностью мира, с действующими в нем силами разрушения.

Сами наши поиски смысла уже дают осмысленность нашему существованию. Смысл жизни нельзя найти готовым, раз и навсегда данным, утвержденным в бытии. Смысл жизни не дан, а задан. Все готовое и существующее независимо от нас есть либо мертвое, либо чуждое и нам не пригодное. А смысл должен быть живым, ибо он смысл нашей жизни, и должен быть внутри нас, а не вовне. Поэтому его искание — это напряженное, волевое самоуглубление, полное труда и лишений. Это максимальное напряжение и раскрытие нашего существа, улавливание его в творческом процессе приобщения к нему. Как писал С. Франк, «искание смысла жизни есть борьба за смысл против бессмысленности, и не в праздном размышлении, а лишь в подвиге борьбы против тьмы бессмыслия мы можем добраться до смысла, утвердить его в себе, сделать его смыслом своей жизни и тем подлинно усмотреть его или уверовать в него». Поиск смысла — это укрепление в себе веры, которая есть напряженное внутреннее действие по преобразованию нашей жизни.

Таким образом, подлинно творческое и плодотворное дело совершается в глубине человека, и это глубоко внутреннее дело есть настоящее, основное дело человека, оно состоит в действенном утверждении себя в первоисточнике жизни, оно состоит в аскетическом подвиге борьбы с мутью и слепотой наших чувственных страстей, нашей гордыни, нашего эгоизма.

Обычно, говорил Франк, про людей, занимающихся таким делом, думают, что они либо ничего не делают, либо заняты только своим личным спасением. Им противопоставляют общественного деятеля, занятого устройством судьбы множества людей. Но это рассуждение в корне ложно, ибо строится на непонимании сути

подлинно производительного дела. Для того чтобы пропагандировать идеи и устраивать жизнь в согласии с ними, надо их иметь; для того, чтобы творить добро людям и ради этого бороться со злом, надо иметь само добро. Без этого производительного труда и накопления невозможна жизнь.

Так, историки, которые пишут о великом русском святом Сергии Радонежском, видят его главную заслугу в том, что он благословил рать Дмитрия Донского и дал ей двух монахов из своей обители. Но они забывают, что этому предшествовали десятилетия упорного молитвенного и аскетического труда, что этим трудом были добыты духовные богатства, которыми в течении последующих веков питались русские люди. Не будь Сергия, они не имели бы сил подняться на борьбу с татарами.

У французского писателя и философа Альбера Камю есть эссе «Миф о Сизифе». Древнегреческий мифический герой Сизиф наказан богами за свой проступок и был вынужден всю жизнь вкатывать в гору камень, который тут же скатывался назад. У Камю Сизиф — это человек, который поднялся над бессмысленностью своего существования, обрел в этой бессмысленности свой смысл и свою гордость. Как бы тяжела и бесцельна ни была бы жизнь — это моя жизнь, и я должен ее прожить достойно.

Как и Камю, Франк считал, что смысл жизни не дан, а задан, смысл жизни должен быть внутри нас, а не вовне. Искание смысла жизни есть борьба против тьмы бессмыслия, это внутреннее преображение, внутреннее творчество человеком самого себя.

Но это не значит, что люди, занятые внутренним творчеством, ничего не делают, а заняты только личным спасением. Исканиями и мучениями таких людей в мире накапливается добро. Философ, святой, художник, вообще любой человек, не ограничивающийся внешней жизнью, а ищущий истоки своего бытия, пытающийся найти свое настоящее место в этой жизни, понять свое предназначение, производит и накапливает в мире добро. Без таких людей мир давно бы уже рухнул в пропасть полного хаоса и бессмысленности.

Духовная скудость и убогость нашей жизни вызваны тем, что все меньше становится людей, ищущих смысл жизни, людей глубоко мыслящих, своей внутренней работой прибавляющих в мире добро. Мы только тратим то, что создали наши предки, и основные причины кризиса нашей жизни заложены именно здесь, а не в экономических потрясениях, не в отсутствии иностранных инвестиций, не в непоследовательности демократических преобразований.

Избранные тексты

О «скорбном неверии»

«Это скорбное неверие есть одно из самых характерных и трога-тетьных явлений духовной жизни нашей эпохи Человек разочаровался не только в суетной вере утопизма, но и вообще в осуществлении в мире высших ценностей, он пришел к убеждению, что добру и разуму не только не гарантирована победа в мире, а скорее даже предопределено поражение, ибо по общему правилу в мире торжествуют силызлаи безумия Я не забуду краткой и печальной формулы этого пессимизма, которую мне пришлось однажды услышать «Чтобы быть пророком, достаточно быть пессимистом» Но этот пессимизм в отношении мирового порядка и хода мировой жизни не уничтожает в человеческом сердце самого поклонения добру и разуму, святости человеческой личности Святыня оказывается в мире слабой и бессильной, но от этого она не перестает быть святыней Из этого умонастроения вытекает моральное требование защищать безнадежную позицию добра против победоносной всемогущей силы зла Смысл человеческой жизни заключается здесь в том, чтобы отстаивать достоинство идеала при сознании полной безнадежности осуществить его в жизни, подвиг состоит в том, чтобы героически погибать, защищая дело добра и правды, обреченное на гибель <>

Это умонастроение, которое мы называем «скорбным неверием» есть конечно, ближайшим образом и прежде всего, в общепринятом смысле слова, неверие В известном смысле оно прямо противоположно той наивной, массивной вере, которое дарует человеку чувство полной обеспеченности всей его жизни в силу сознания неограниченной, всемогущей власти над миром благого и мудрого Промысла В противоположность такой массивной вере скорбное неверие беспощадно отвергает всякое доверие к силам, управляющим реальностью, и утверждает иллюзорность всякого упования человеческого сердца, безнадежное одиночество и обреченность человека в его любви к святыне, которая одна есть истинный идеальный фундамент его бытия

Поскольку однако, это неверие есть неверие скорбное, — поскольку человеческое сердце скорбит от сознания торжества зла в мире восстает против этого торжества, считает себя обязанным хранить верность и служить безнадежному в его глазах дечу добра и правды — это духовное состояние вместе с тем в некотором отношении родственно вере Именно оно содержит в себе тог элемент веры в силу которого вера есть бескорыстное почитание высшего священного начала благоговения перед святыней Эта открытость души для действия на нее святыни, стойкий отказ подчиниться злым силам мирового бытия, эта готовность к бескорыстному героизму — все это, без сомнения, имеет высокую ценность перед тем высшим судом, который судит не мысли, а сердца»

(С. Л. Франк Свет во тьме // С. Л. Франк Духовные основы общества. – М., 1992. – с. 421-422).